

Л. С. Клейн

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РАНЕГЕРМАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В 1881—1882 гг. в обстановке обострения классовой борьбы в крупнейших «крестьянских» странах — России и Германии, когда в марксистской теории изучается опыт Парижской коммуны и в повестку дня встает судьбы государства и крестьянской общины при переходе к будущему, бесклассовому обществу (критика «Готской программы» и дискуссии с русскими народниками), К. Маркс и Ф. Энгельс уделяют особое внимание изучению проблем первобытнообщинного строя. В то самое время, когда Маркс детально конспектирует книгу Л. Г. Моргана «Первобытное общество», Ф. Энгельс усиленно собирает и анализирует материалы по истории древних германцев, подготавливая большую специальную работу (сохранился ее план). Плодом этих занятий Ф. Энгельса явились две рукописи: «К истории древних германцев» и «Франкский период». Вероятно, ввиду того что работа осталась неоконченной, рукописи не увидели света при жизни автора (они были опубликованы впервые лишь в 1937 г., а частично в 1935 г. в СССР). Однако достигнутые результаты были затем использованы Энгельсом при написании статьи «Марка», вышедшей в свет в 1882 г., и при разработке глав о германцах в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» (1884).

Значение этих работ Ф. Энгельса рассматривалось с разных сторон в нашей научной литературе¹, однако в одном аспекте они еще не анализировались. В этих работах Энгельс выступает не только как теоретик марксизма и энциклопедически образованный ученый, но и как квалифицированный специалист в области древнейшей истории Европы. Энгельс четко определил для себя и подчеркивал для читателя сугубо исследовательский характер этой своей работы; она была для него по преимуществу специальным исследованием больше, чем какая-либо другая из его работ. Трудно назвать еще одну работу Энгельса, в которой бы он с такой последовательностью, неоднократно именовал свой труд — «наше исследование»² и прямо указывал, что стремится заложить «основу для дальнейших детальных исследований»³.

Энгельс учел и рассмотрел весь круг материалов, проработал огромную литературу: труды Каспара Цейсса, Я. Гримма, К. Мюлленгофа,

¹ В. П. Петров, Энгельс о родовом строе древних германцев, Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. 4, 1936, стр. 647—690; В. И. Равдоникас, Энгельс и проблема происхождения скотоводства в Европе. В сб. «Вопросы истории доклассового общества», М.—Л., 1936, стр. 535—576; его же, История первобытного общества, ч. 1, Л., 1939, стр. 30—33, 70—73; М. О. Косвен, Энгельс и Морган, Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. 4, стр. 3—30. С. Н. Быковский, Энгельс и проблема происхождения общественных классов. В сб. «Вопросы истории доклассового общества», стр. 813—849; А. П. Окладников, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и современность, «Сов. археология», 1959, № 4, стр. 5—9 и др.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 480, 483, 489, 493, 521, 523, 527, 534, 542.

³ Там же, стр. 483.

Е. А. Ворсо, Г. Гильдебранда, Ф. Дальмана, Г. Вайца, У. Бойд Докинса, Маурера и др. По сути, не осталось ни одного сколько-нибудь существенного труда по истории германцев, который бы ускользнул от его внимания. С большой полнотой учтены археологические материалы и сведения древних авторов: Страбона, Цезаря, Тацита, Плиния Секунда, Птолемея, Диона Кассия и т. д. Конечно, за истекшее с той поры без малого столетие накоплено значительное количество новых материалов, сделаны важные шаги в понимании старых сведений, иные положения и приемы тогдашней науки, использованные Энгельсом, устарели (датировка индоевропеизации Европы кануном римского времени, отрицание металлообработки у германцев в первые века н. э., прямая увязка галльштата с этрусками и т. п.)⁴.

Особенно примечательно, что Энгельс подверг раннюю историю германцев специальному исследованию как раз перед самым возникновением (именно и прежде всего на базе древнейшей истории германцев) нового, резко реакционного направления в археологии и изучении ранней истории — направления Коссины. Густав Коссина выступил с первым изложением основ своей концепции в 1895 г. (год смерти Энгельса). Это был поворотный пункт в изучении германцев в Германии. Энгельс, по сути, подвел итог целому периоду в изучении древних германцев и наметил новые пути их изучения. Вскоре к этой же отрасли были применены другие принципы и методы, надолго определившие характер ее изучения в Германии.

Если исключить единичные выступления, остававшиеся гласом вопиющего в пустыне, то только через полстолетия, уже в послевоенное время в немецкой археологической науке начался общий критический пересмотр коссиновских догм и поиски новых методов, которые пошли разными путями в двух германских государствах. Анализ методики и мастерства Энгельса как исследователя германских древностей приобретает в этой исторической перспективе особый интерес.

В течение всего XIX в. в немецкой науке господствовали две крайности в отношении к древним германцам. С одной стороны, крупнейшие представители немецкой исторической школы просто игнорировали германцев, отводя им сугубо скромное место в мировой истории. Вполне в античном стиле историки-классики XIX в. третировали древних германских варваров как грубых полуживотных, недостойных солидного изучения — такого, какого заслуживали главные силы древней цивилизации — греки и римляне. В начале века И. Хр. Аделунг в своей «Древнейшей истории немцев» писал о германцах Тацита: «Германец — хищник, который спит, когда не охотится и не жрет»⁵. В конце века Отто Зек чтил древних германцев «бескультурным народом» (*Naturvolk*) «дикими ордами», ворами, грабителями, «пьяницами и забияками с бешеным ожорством» и т. д.⁶

С другой стороны, в рамках немецкой филологии, особенно начиная с романтиков, культивировалась эмоциональная поэтическая идеализация древних германцев. Материалы филологии, особенно героический эпос и богатства языка, представляли для этого гораздо больше возможностей, чем презрительные, естествоведчески аккуратные сообщения древних римских авторов. Те, кто нуждался в романтически возвышенных образах предков — для противопоставления их убогому настоящему, — находили их не в истории, а в филологии. На этой почве родились идеи Гердера о неумирающем национальном духе, соединяющем всех соплеменников друг с другом и потомков с предками и определяющем об-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 450—451, 477.

⁵ J. Chr. Adelung, *Altste Geschichte der Deutschen*, 1806, S. 297.

⁶ O. Seeck, *Preussische Jahrbücher*, 1894; его же, *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*, Bd. 1—VI. 2. Aufl. Berlin, 1897—1920, *passim*.

лик всей культуры народа во всех ее проявлениях и на всех этапах⁷ (отсюда только шаг до идеи о расовом духе).

В то время как немецкая история игнорировала древних германцев, филология занялась их изучением. Развившаяся в ее недрах германистика быстро переросла рамки языкознания и фольклористики и расширила свою программу. Охватив все стороны культуры древних германцев и их предков, она превратилась в обширную «науку об индогерманских древностях» (*indogermanische Altertumskunde*), которая в конце концов распространила свою компетенцию и на письменные источники. От Я. Гримма, К. Цейсса и Ф. А. Вольфа до К. Мюлленгофа растет и ширится это любовное изучение и ученое любование, пока не находит себе окончательного резкого реакционного выражения в трудах ученика Мюлленгофа — Густава Коссины. Этот последний в конце XIX и начале XX в. выступил с откровенно шовинистическим превознесением древних германцев как народа «высшей» расы, как главных и чуть ли не единственных создателей всей культуры Европы, основоположников всей современной европейской цивилизации. Германцы никогда не были варварами, они всегда стояли выше всех других народов — вот один из основных девизов Коссины⁸.

Обе традиции, как историческая, так и филологическая, имели в основе одно: признание природного неравенства народов, деление их на исторические и неисторические (*Kulturvölker* — *Naturvölker*), и спор шел только об одном: к какому из этих двух разрядов относятся древние германцы (современных обе стороны относили, конечно, к первому разряду). Современная западногерманская наука недалеко ушла от этой узкой дилеммы, и сейчас старый спор продолжается в том же плане: можно ли древних германцев отнести к *Naturvölker*⁹.

Энгельс как первый ученый-марксист, занявшийся древними германцами, первым объективно определил их подлинное место в истории, исходя из иных принципов оценки, отказавшись и от предвзятых догм о «высших» и «низших» народах и от эмоционального подхода. Почти во всем «наши предки, по наблюдениям Цезаря, были настоящими варварами», — спокойно констатирует он в рукописи о германцах¹⁰. Они «постоянно воевали между собой и за недостатком денег платили дань римлянам своими женами и детьми, отдавая их в рабство... Те самые германцы, которые несколько столетий спустя, в период переселения народов и своих войн против славян, выступили как первые пираты, похитители рабов и работорговцы своего времени»¹¹. Однако Энгельс далек от того, чтобы на этом основании исключать древних германцев из числа «исторических» народов, морализировать по поводу их грубости и безнравственности, примеряя факты прошлого к современным критериям и иным ситуациям. Историк должен объяснить эти факты, оценивая их в их историческом контексте. Позже, в «Происхождении семьи», Энгельс разработает объяснение отталкивающих качеств варваров (германских и других): выяснит, что здесь вытекает из особенностей родового строя, из его исторически обусловленной морали, а что из ломки моральных норм родового строя (а вместе с тем и всяких моральных норм) при катастрофическом распаде родового строя в условиях столкновения с агрессивной эксплуататорской цивилизацией¹². Там же Энгельс даст и

⁷ P. Kluckhohn, *Die Idee des Volkes im Schrifttum der deutschen Bewegung von Möser und Herder bis Grimm*, Berlin, 1934.

⁸ G. Kossinna, *Die deutsche Vorgeschichte, eine hervorragend nationale Wissenschaft*, Würzburg, 1912.

⁹ W. E. Mühlmann, *Ethnologie und Geschichte*, in: «*Studium Generale*», Bd. 7, 1954, S. 165—177; R. Wenskus, *Stammesbildung und-Verfassung*, Köln — Graz, 1965, S. 5—9.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 451.

¹¹ Там же, т. 19, стр. 472—473.

¹² Там же, т. 21, стр. 97—99, 112—114, 138.

свое знаменитое определение места древних германцев в истории Европы, указав, что германцы «вдохнули умиравшей Европе новую жизнь» и что «омолодили Европу не их специфические национальные особенности, а просто их варварство, их родовой строй»¹³. Но уже в рукописи о германцах четко проступают принципы такого подхода.

Энгельс отмечает, что Рим возмущался «вероломными германцами», терпя от них поражения в своем завоевательном натиске. «Мы уже видели, — пишет Энгельс, — как Веллей изображал их „продувными бестиями, словно созданными для лжи“. То же самое говорит и Страбон. Он не знает ни „германской верности“, ни „романского вероломства“, а как раз обратное... Мы уже не говорим о негодующих и дышащих местью стихах Овидия». И далее следуют слова, в которых ярко отражено единство исследовательской объективности историка и безусловной партийности автора. «Однако те средства, которые пускаются в ход в целях порабощения, должны быть дозволены также и в целях свержения ига рабства. Пока будут существовать эксплуатируемые и господствующие народы и классы на одной стороне, эксплуатируемые и порабощенные — на другой, до тех пор применение хитрости и насилия будет с обеих сторон необходимостью, против которой всякая моральная проповедь останется бессильной»¹⁴. Энгельс равно далек и от националистического цепляния за любую национальную самобытность и самостоятельность (в любых условиях — лишь бы свое!), и от космополитического преклонения перед благодетельностью более высоких цивилизаций. Указав, что «сражение с Варом представляет собой один из наиболее решающих поворотных моментов в истории», Энгельс продолжает: «Независимость германцев от Рима была этим сражением установлена раз навсегда. Можно много и бесплодно спорить о том, была ли эта независимость уж таким выигрышем для германцев, но бесспорно, что без нее все историческое развитие пошло бы в другом направлении». Это высказывание Энгельс заканчивает следующими словами, которые вполне современно звучат в середине XX в.: «И если вся последующая история германцев в действительности представляет почти исключительно длинный ряд национальных бедствий, в которых большей частью виноваты были они сами, так что даже самые прочные успехи почти всегда обращались во вред народу, все же надо, однако, сказать, что тогда, в начале их истории, германцам определенно улыбалось счастье»¹⁵.

Ввиду того, что в немецкой исторической науке германцы рассматривались лишь как периферия римского мира, историкам, глядевшим на древних германцев, так сказать, глазами римлян, было вполне достаточно одной категории источников — сообщений римских авторов. Другие источники, в частности археологические, были, конечно желательны, но прежде всего для иллюстрации и некоторого уточнения, пояснения и дополнения данных письменных источников о деяниях и культуре римлян. Связанные с этой исторической школой археологи-античники работали и в Германии — изучали римский импорт, раскапывали римские лагеря, прослеживали римские дороги, восстанавливали *limes* (систему пограничных поселений и укреплений римлян). Из местных племен археологи обратили внимание раньше и больше на романизированных жельтов, чем на германцев.

Что же касается построенной филологами-романтиками германистики, то этой более молодой, чем история древнего мира, науке почти на целый век хватило освоения лингвистических, фольклорных, этнографических, а затем и письменных источников. Только к концу XIX в., во время и после появления многотомного обобщающего капитального труда К. Мюллengoфа, у германистов стало складываться впечатление,

¹³ Там же, стр. 154.

¹⁴ Там же, т. 19, стр. 464—465.

¹⁵ Там же, стр. 465.

что все эти категории источников исчерпаны, а многие крупные проблемы все же не решены и что надо обратиться к незатронутой категории источников — археологии.

Задолго до этого и именно у Энгельса мы находим первый широко поставленный опыт синтеза разнородных категорий источников — письменных, лингвистических, этнографических, антропологических и археологических — в изучении раннегерманского общества. Энгельс обстоятельно использует сообщения античных авторов и сведения средневековых документов самих германцев; в ряде вопросов опирается на данные языкознания, детально входя в разработку некоторых языковедческих проблем (классификация диалектов); чтобы восстановить содержание и облик «земельного и административного» строя древних германцев, обращается следом за Маурером к изучению этнографических пережитков этого строя в современной Европе (организация марки), а позже, опираясь на исследования Моргана, — к более широким возможностям сравнительной этнографии народов мира; изредка привлекает и антропологические материалы (сообщения Вирхова и Шафгаузена о типе черепов догерманского населения Европы). А для восстановления периодов и сторон жизни, слабо освещенных этими категориями источников, Энгельс обращается к археологии: «Там, где прекращается свидетельство Птолемея, продолжают говорить находки»¹⁶.

Он отмечает, что «недавно была открыта большая римская крепость» у Липштадта и что «недавно было установлено существование римских дорог, которые вели к истокам Липпе»¹⁷. Он сравнивает количество римских серебряных динариев, найденных на о. Готланд (свыше 3200) и в других местах — Эланде (около 100), Швеции (менее 50), Дании и Шлезвиге (около 600) и приходит к выводу, что на Готланде существовал важный центр торговли¹⁸. Торговля прослеживается и по вещам: «В Силезии и Бранденбурге во II и III веках римские купцы были, по видимому, постоянными жителями. Там мы находим не только стеклянные урны, флакончики для благовоний (Tränenfläschchen) и могильные урны с латинскими надписями (раскопки у Требница в Силезии и в других местах), но даже целые римские склепы с нишами для урн (колумбариями) (в Нахельне у Глогау)». Далее упоминаются римские глиняные лампы, металлические изделия с клеймами и т. д.¹⁹

Однако Энгельс использует не только свидетельства римского импорта, но и остатки культуры самих германцев и безымянных древних обитателей Европы. Говоря о заселении Европы, он упоминает «древнейшие следы человека» в пластах «между обоими периодами оледенения так называемой ледниковой эпохи»²⁰. В доказательство раннего появления мореплавания у германцев, позволившего им самим заниматься торговлей, Энгельс ссылается на «шведские рисунки на скалах, приписываемые бронзовому веку» и изображающие многовесельные лодки, а также на обнаруженную в Нюдамском болоте (Шлезвиг) ладью начала III в., пригодную для морского плавания²¹. Он перечисляет предметы, найденные вместе с этой ладьей и в иных памятниках того же времени — ткани, кольчуги, шлемы, застежки (фибулы), керамику, ножны, рунические надписи и пр. — и оценивает их социологическое значение²². Если об уровне культуры германцев периода между Цезарем и Тацитом Энгельс судил по письменным сообщениям этих и других римских авторов, а об уровне культуры периода переселения народов — по древнейшим письменным памятникам самих германцев, то уровень культуры промежу-

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 469.

¹⁷ Там же, стр. 456, 459.

¹⁸ Там же, стр. 473—475.

¹⁹ Там же, стр. 470.

²⁰ Там же, стр. 442.

²¹ Там же, стр. 475.

²² Там же, стр. 476—480.

точного периода Энгельс восстанавливает исключительно по археологическим источникам. Таким образом, в его работе археология используется не для простой иллюстрации древней литературной традиции, а на равных правах с нею, как самостоятельный вид исторических источников, обеспечивая исследователю возможность воссоздать цельную картину исторического развития, используя все категории материалов в их совокупности. Правда, сейчас, в последние десятилетия, на повестку дня встало обсуждение способов и условий такого синтеза²³, но в то время сама постановка проблемы синтеза на конкретном примере представляла существенный шаг вперед. Однако некоторым из выдвигаемых в настоящее время условий такого синтеза мы находим в труде Энгельса весьма интересные соответствия. Это касается, в частности, требования предварительной внутренней критики каждого вида источников по отделимости, оценки и ограничения возможностей его использования.

Внутренняя критика источников, занимающаяся в отличие от начатой раньше внешней критики не выяснением достоверности, подлинности документа, а определением реалистичности, объективности его содержания, была в течение XIX в. разработана немецкой исторической школой и являлась одним из ее достижений. Основы этого направления критики заложил Нибур, в дальнейшем ее приемы совершенствовали Ранке, Дройзен и Момзен. Но так как изучение древних германцев было вдали от интересов немецкой исторической школы вообще, оно осталось и вне сферы действия этой системы приемов критики, ускользнуло от критической проработки этого рода. В филологии же, из лоно которой вышла германистика, научная критика источников была только внешней; хотя со времен Вольфа применялись разносторонние приемы ее: проверка подлинности документов, восстановление истории каждого из них, разделение текста на хронологические слои, сравнение вариантов и восстановление архетипов. Этим и ограничивались германисты. Слишком эмоциональное отношение к материалам, благоговейная преданность старым национальным традициям привели германистов к наивной и слепой вере в достоверность содержания древних текстов и преданий, убили в зародыше здоровые сомнения, затуманили трезвость мысли и воспрепятствовали нетрудному, казалось бы, заимствованию готовых, уже разработанных приемов внутренней критики источников у немецкой исторической школы. Из всех германистов самый опьяненный германской древностью — Коссина. И самый доверчивый к сведениям древних авторов. Несмотря на всю свою воодушевленность возможностями археологии, он критерием и обоснованием археологических реконструкций все-таки делает сведения древних римских авторов. Только в XX в. встал вопрос о внутренней критике археологических источников²⁴. Только в XX в., по сути, была начата в науке и внутренняя критика римских сочинений как источников по изучению ранних германцев²⁵. Но лишь в послевоенное время ее результаты были введены в историко-археологический синтез²⁶. Пробным камнем критичности оказался вопрос о признании Рейна границей между германцами и кельтами в соответствии с античной литера-

²³ J. Eggers, Einführung in die Vorgeschichte, München, 1959; А. Л. Монгайт, Археологические культуры и этнические общности, «Народы Азии и Африки», 1967, № 1.

²⁴ R. H. Jacob-Friesen, Grundfragen der Urgeschichtsforschung, Hannover, 1928; J. Eggers, Указ. раб.

²⁵ F. Frahm, Cäsar und Tacitus als Quellen für die altgermanische Verfassung, in: «Historisches Vierteljahresschrift», Bd 24, 1929, S. 145—181; F. Beckmann, Geographie und Ethnographie in Caesars Bellum Gallicum, Dortmund, 1930; E. Bickel, Die Glaubwürdigkeit des Tacitus und seine Nachrichten über den Nerthus-Kult und den Germanennamen, «Bonner Jahrbücher», Bd 139, 1934, S. 1—20; H. Naumann, Die Glaubwürdigkeit des Tacitus, Там же, стр. 21—33; G. Walser, Caesar und die Germanen, Weisbaden, 1956.

²⁶ R. Hachman, G. Kossack, H. Kuhn, Völker zwischen Germanen und Kelten, Neumünster, 1962.

турной традицией. Коссина, исходя из этого указания как из факта, определяя этническую принадлежность археологических памятников к двум этносам, несмотря на культурную однородность памятников и в полном противоречии со своим «уравниванием»: культура — народ — народоплеменная группа. Э. Вале, исходя из этого противоречия археологических данных и литературных сведений опять же как фактов, отверг саму возможность согласования этнографических сведений древних с археологическими картами, этносов с культурами²⁷. И лишь недавно археологи усомнились в правильности восприятия этих сведений как фактов²⁸.

Около 90 лет назад Ф. Энгельс категорически утверждал: «Рейн ни в коей мере не представлял резкой границы между галлами и германцами»²⁹. И Энгельс тут же доказывал это сопоставлением различных мест из сочинений древних авторов.

В советской историографии в свое время была выдвинута упрощенная трактовка соотношений между марксистским историческим исследованием и внутренней критикой источников. Эта трактовка исходила из резко отрицательного отношения к такой критике, связанного с тем, что ее методы были использованы эпигонами немецкой исторической школы (Э. Норденом, К. Кёне, Г. Фишером, И. Бюлером и др.) для подрыва доверия к сообщениям древних авторов о чертах первобытнообщинного строя у древних германцев, а тем самым к марксистской схеме исторического процесса³⁰. Е. Г. Кагаров изображал все развитие критики Цезаря и Тацита как новшество, обусловленное фашизацией немецкой исторической науки, и противопоставлял этому прежнюю традицию «буржуазных ученых XIX и XX вв.»³¹, ряд которых он начинал с ...Мюлленгофа (на деле он был не историком, а филологом). С некоторыми оговорками Е. Г. Кагаров противопоставлял критике и подход Энгельса, поскольку тот «неоднократно ссылается на показания античных писателей о древних германцах»³². В этих упрощенных противопоставлениях сильно смещены и искажены действительные соотношения.

Внутренняя критика источников, разработанная как система методов в XIX в., отнюдь не равнозначна нигилистическому отношению к античным авторам и не обязательно должна повлечь за собой непременно дискредитацию сведений, использованных для обоснования марксистской концепции первобытнообщинного строя. На что направить острие этой критики, зависит от общих взглядов историка, но как далеко зайти в разрушительном действии, что разрушить, а что оставить и подтвердить — во многом определяется личной честностью исследователя и уровнем его профессиональной подготовки, степенью его владения методами критики. Как и всякие подлинно научные методы, сами по себе они не способствуют произволу, а, наоборот, ограничивают его. Противопоставлять подход Энгельса внутренней критике источников, как это сделано у Е. Г. Кагарова, совершенно неправомерно. Энгельс был первым исследователем, применившим в германистике принципы внутренней критики источников, разработанные в исторической науке. Так, он отметил, что «указание Цезаря на ежегодную смену пахотной земли не следует понимать буквально; как правило, общий переход на новую землю происходил по меньшей мере через каждые две или три жатвы. Все место, — не

²⁷ E. Wahlе. Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlichen Kulturprovinzen, «Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften», Philhist. Kl. (1940/41), Heidelberg, 1941.

²⁸ J. Eggers, Указ. раб.; R. Nachman, G. Kossack, H. Kuhn, Указ. раб.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 448.

³⁰ Е. Г. Кагаров, Фальсификация истории раннегерманского общества фашистскими лжеучеными. В сб. «Против фашистской фальсификации истории», М.—Л., 1939, стр. 83—91.

³¹ Е. Г. Кагаров, Указ. раб., стр. 83.

³² Там же, стр. 88.

«свойственный германцам раздел земли старейшинами и должностными лицами и особенно подsunутые германцам мотивы этой быстрой смены земель,— дышит римскими представлениями. Римлянину эта смена земель была непонятна»³³. Но внутренняя критика источников обнаруживает не только искажение фактов от непонимания их древним наблюдателем или его информаторами.

«Из источников,— пишет Энгельс,— даже трудами обоих греческих географов (Страбона и Птолемея — Л. К.) можно безоговорочно пользоваться только при безусловном подтверждении их данных. Оба они были кабинетными учеными, собирателями и в меру своих средств в своем роде даже критическими обозревателями материала, который в большей своей части для нас утрачен. Им недоставало личного знания страны». Если Страбон «освобождается от противоречий своих источников и собственных сомнений при помощи наивного рационализма, который часто напоминает начало нашего столетия, то ученый географ Птолемей пытается разместить названные в его источниках отдельные немецкие племена в математически вычисленных клетках неумолимой градусной сетки своей карты. Но как ни великолепен в целом труд Птолемея для своего времени, все же его география Германии ошибочна...» Эта ошибочность, по Энгельсу, проистекает из двух недостатков: во-первых, стремления учесть и согласовать все противоречивые, неясные, а то и просто ложные сведения, некритически принимаемые за истинные и, во-вторых, несовпадения карты, существующей в представлении исследователя, с действительной географией страны. «Словно никогда не путешествовавший берлинский географ считал бы, примерно в 1820 г., своей обязанностью заполнить пустое пространство на карте Африки, согласовывая данные всех источников со времени Льва Африканского и указывая каждой речке и каждому горному хребту определенное направление, а каждому племени — точное местонахождение. Такие попытки добиться невозможного приводят к тому, что ошибки используемых источников еще усугубляются»³⁴.

И все же, констатирует Энгельс, такие попытки предпринимаются германистами нового времени. «Безуспешная попытка согласовать классификацию племен „Германии“ Тацита и Птолемея между собой и с путаницей прочих сведений древних авторов была сделана в двух классических трудах: Каспара Цейса „Германцы“ и Якоба Гримма „История немецкого языка“. То, что не удалось обоим этим гениальным ученым и позднейшим исследователям, следует считать невыполнимым на основании наших современных материалов. Недостаточность этих материалов видна уже из того, что оба они вынуждены были построить ложные вспомогательные теории: Цейс — что последнее слово во всех спорных вопросах следует искать у Птолемея, хотя никто так резко не охарактеризовал основных ошибок Птолемея, как он сам; Гримм — что силы, которые ниспровергли римское мировое владычество, должны были вырасти на более широкой почве, чем пространство между Рейном, Дунаем и Вислой, и что поэтому вместе с готскими и датскими землями к Германии следует отнести и большую часть страны на север и северо-восток от нижнего течения Дуная. Предположения Цейса и Гримма в настоящее время устарели»³⁵.

Таким образом, Энгельс в этой работе утверждает необходимость придерживаться следующих методических требований в использовании сочинений древних авторов:

а) сводными трудами античных ученых, учитывая несовершенство их источников и методов работы, «безоговорочно пользоваться только при безусловном подтверждении их данных» — очевидно другими, независи-

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 449.

³⁴ Там же, стр. 481—483.

³⁵ Там же, стр. 483.

мыми от них источниками — историческими, археологическими и пр.; б) иметь в виду возможность искажения от непонимания и переосмысления чуждых им явлений; в) не пытаться согласовать непременно все сообщения древних и найти применение в реконструкции прошлого всем сообщаемым деталям, примирить все противоречия (многие из них непримиримы в основе); г) стараться обойтись без априорных «вспомогательных теорий» при исторической реконструкции; д) учитывая фрагментарность и недостаточность материалов, не стараться «добиться невозможного» — заполнить тотчас, с наличными средствами, все белые пятна, выяснить все загадки, уточнить все детали и впасть тем самым в ошибку чрезмерного (необоснованного) уточнения; следует ограничить свою задачу реально возможным при данном составе надежного материала.

«Попытаемся внести хоть некоторую ясность в вопрос, ограничив свою задачу,— пишет Энгельс.— Если нам удастся произвести общее распределение племен по нескольким основным группам, то будет заложена прочная основа для дальнейших детальных исследований. И здесь место из Плиния дает нам точку опоры, устойчивость которой все более подкрепляется в ходе исследования; во всяком случае это место создает меньше затруднений, в меньшей мере запутывает нас в противоречиях, чем какое-либо другое»³⁶. Плинию Энгельс доверял больше, чем другим древним авторам, как очевидцу и опытному естествоиспытателю, менее других римлян подвластному предрассудкам среды и политическим интересам. «Но исходя из системы Плиния, мы должны будем отказаться от безусловной пригодности тацитовской триады и от древней легенды о трех сыновьях Манна: Инге, Иске и Эрмине. Во-первых, Тацит и сам не знает, как ему быть со своими ингевонами, искевонами и герминонами; он не делает ни малейшей попытки распределить перечисленные им порознь племена по этим трем основным группам. И, во-вторых, это и впоследствии никому не удавалось»³⁷.

Таким образом, было бы ошибочно методические принципы Энгельса, связанные с внутренней критикой источников и признанием ограниченности познавательных возможностей материала, толковать в пользу позитивистского подхода и эмпирического метода, с их главным требованием остановиться на непосредственном обобщении достоверных данных. Энгельс не останавливается на этом. Он строит смелую, но для своего времени хорошо обоснованную объяснительную гипотезу — одну из таких гипотез, которые раздвигают кругозор, углубляют познание, освещают дальнейший путь исследования. Основой его гипотезы послужил продуманный выбор наиболее надежного из противоречивых сообщений древних авторов, сочетаемый с проверкой этого сообщения по материалам топонимики и диалектологии. Исходя из убеждения, что в позднейших средневековых диалектах отразилась более древняя группировка племен, а основных диалектов оказывается пять, Энгельс увязал их с племенными группами Плиния и распределил по ним племена, комбинируя сведения об их размещении (главным образом из Тацита) с картографией диалектов. С виндилами Плиния он связал готские диалекты и отнес сюда племена готов, вандалов, бургундов и др. Ингевонам отвел область фризов и саксов, обладавших особым диалектом. К искевонам, жившим, по Плинию, «ближе к Рейну», отнес племена, впоследствии составившие ядро франкской народности с ее диалектом, а к герми(н)онам, жившим в центре страны, — племена гермундуров, свевов и другие с речью, ставшей основой для верхнегерманского диалекта. Речь пятой группировки — певкинов и бастарнов, живших в Нижнем Придунавье, — не сохранилась, а жители Скандинавии гиллевионы остались вне схемы

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 483. Имеется в виду распределение германских племен у Плиния по пяти группам.

³⁷ Там же.

Плиния, охватившей только материковых германцев. «Таким образом,— резюмирует Энгельс,— классификация Плиния с поразительной точностью соответствует группировке действительно появившихся впоследствии германских наречий. Мы не знаем диалектов, которые не принадлежали бы к готскому, фризско-нижнесаксонскому, франкскому, верхне-немецкому или скандинавскому, и мы также и в настоящее время можем признать эту классификацию образцовой»³⁸.

Эта гипотеза была выдвинута почти 90 лет назад. Перед новой критикой источников схема Плиния также не устояла. В ней выявляют стремление согласовать старое предание о трех группах потомков Манна с новодобытыми сведениями. Заметно, что ради стройности схемы Плиний добавил только две новых группы (отведя их для отдаленных племен), а остальных германцев довольно искусственно распределил по трем коленам Манна. Тацит же объединял только эти три исходные группы и, не называя их отдельных племен, размещал их всех в западногерманской области, неподалеку от Рейна, оставляя всех остальных (вандилиев, свебов и др.) вне этой группы³⁹. С точки зрения этой критики, схема Тацита бесхитростнее, трехчленное объединение относится только к небольшой группе западногерманских племен, а основания классификации Плиния оказываются по крайней мере частью, искусственными, субъективными, надуманными.

Но можно пойти еще дальше, чего критики пока не делали. Во всех этих расчетах не принято во внимание, что генеалогические легенды, как правило, именно трехчленные (это формальный закон жанра), обычно отражают не столько языковое родство или географическое соседство племен, не столько даже реальное их политическое объединение, сколько политические претензии (притязания на первенство, старшинство или доминирование) того племени, от которого поступила данная информация. И охват племен этой генеалогической легендой может изменяться не только от смены источников, но и в информации, поступающей от одного и того же племени, в связи с изменением сферы его политических претензий⁴⁰. В этом свете обе схемы — и Плиния, и Тацита — не годятся для реконструкции этнической группировки древнегерманских племен (хотя и интересны как показатели политических отношений). Да и вообще позднейшие диалекты вряд ли можно так прямо связывать с древнейшими племенными группировками тех же территорий, как это казалось возможным во времена Энгельса.

В сложении окончательной картины расселения германцев Энгельс отводил большую роль миграциям. О германцах времени Цезаря у Энгельса сказано: «Они далеко не такие кочевники, как современные азиатские кочевые народы. Кочевой жизни место в степи, а германцы жили в первобытном лесу. Но они были так же далеки и от стадии оседлых земледельческих народов». И Энгельс ссылается на слова Страбона: «Все эти племена с одинаковой легкостью снимаются со своих мест благодаря примитивности своего образа жизни...» (География, VII, 1).⁴¹

Вопросу о миграциях Коссиной была придана болезненная острота: миграциями объяснялись все новшества в культуре огромных территорий Евразии вокруг германской прародинны и тем самым миграции превращались в средство утверждения культуртрегерской миссии и превосходства германцев. Зародышами этой тенденции были: увлечение «арий-

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 454.

³⁹ R. Nachman, G. Kossack, H. Kuhn, Указ. раб.

⁴⁰ A. F. Pott, *Anti-Kaulen, oder mystische Vorstellungen vom Ursprunge der Völker und Sprachen*. Lemgo und Detmold, 1863, S. 1—67; Л. С. Клейн, Вопросы происхождения славян, «Сов. археология», XXII, М., 1955, стр. 268—269; Дж. Томсон, Исследования по истории древнегреческого общества, М., 1958, стр. 124—129, 161, 177, 180—195, 369—409, 425—429 и др.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 450.

ской» расовой теорией Гобино в Германии второй половины XIX в., шовинистические представления германистов о беспрецедентной природной активности и воинственности древних германцев и ранние мальтузианско-геополитические идеи о нехватке жизненного пространства или о природных изменениях как конечных причинах миграции.

Этому биологизаторскому и механистическому объяснению миграций, характерному для тогдашней немецкой науки и позже возведенному в абсолют Коссиной, Энгельс вслед за Марксом⁴², не отрицая важной роли миграций и завоеваний в истории, противопоставил историко-материалистическое объяснение миграций — специфическими особенностями определенного этапа развития, обусловленного соответствующим уровнем экономики. Этот здравый подход представляется особенно примечательным, когда мы рассматриваем его с позиций современного опыта — сквозь толщу века, в течение которого одни противопоставляли миграциям нордических арийцев Коссины противоположно направленные миграции — в землю прагерманцев (И. Борковский, Т. Сулимирский, Г. Чайлд, А. Я. Брюсов и др.), другие ударились в противоположную методическую крайность — игнорирование или почти полное отрицание миграций, повсеместный гиперавтохтонизм (марровская школа, а в послевоенное время последователи Э. Вале, также М. Мальмер), и лишь немногие пытались реализовать те плодотворные идеи, которые были заложены 100 лет назад в исследовательских принципах и конкретных решениях Маркса и Энгельса.

Традиционный порок немецкой науки XIX в., усиленный Коссиной и не чуждый его современным западногерманским критикам⁴³, — трактовка германцев как неизменного самодовлеющего биологически обусловленного этнического единства. На этом фоне особенно ярко выступает тот факт, что одним из главных методических принципов, примененных Энгельсом к изучению ранних германцев, был историзм. Тривиальной манере объяснять события и весь ход истории воинственным духом германцев, гесп. римлян или «исконно германскими» добродетелями, выраженными в организации марки, Энгельс противопоставил марксистский анализ движущих сил и характера исторического процесса, обращаясь к внутреннему механизму общества.

В то же время он не абсолютизировал этой спонтанности процесса, не стремился усмотреть непременно внутренние стимулы в каждом отдельном событии истории, отводил значительное место взаимодействию разных обществ, роли внешних сил. Но он всегда помнил, что эта внешняя по отношению к данному обществу сила является внутренней в другом обществе, исходном для данного стимула. Энгельс стремился, обратившись к этим истокам, раскрыть внутренний механизм возникновения той силы, которая могла отозваться внешним толчком в другом обществе. Иными словами, у Энгельса мы находим в объяснении происхождения исторических явлений поучительный пример выхода из сложной дилеммы объективного противоречия между внешними и внутренними факторами. Этот выход — в расширении рамок исторического анализа до охвата, тех обществ, в которых внешний для начального пункта анализа толчок имеет свои корни и свой внутренний механизм возникновения. «...Войны сами нуждаются в объяснении, — пишет он. — В условиях внутренней жизни Рима такого объяснения найти нельзя; напротив, империя еще повсюду оказывает успешное сопротивление и в промежутке между отдельными периодами крайней анархии все еще выдвигает — как раз в это время — могущественных императоров. Следовательно, нападения германцев были вызваны переменами, происшедшими у них самих.

⁴² К. Маркс, Вынужденная эмиграция, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 568.

⁴³ Ср. E. W a h l e, Указ. раб.

И здесь опять-таки находки позволяют объяснить это»⁴⁴, — снова Энгельс обращается к археологии для раскрытия социальных перемен, происшедших в германском обществе. Так, например, перечислив ряд археологических находок (предметов роскоши), Энгельс резюмирует: «Разница между германцами времен Цезаря и даже Тацита и народом, употреблявшим эту утварь, очень велика, даже если признать, что ею пользовались лишь наиболее знатные и богатые... Вместо пренебрежительного отношения к золотым и серебряным вещам появилось желание украшать себя ими; вместо равнодушия к римским деньгам — их распространение по всей германской территории»⁴⁵. Энгельс реконструирует здесь значительный прогресс производства, на базе которого происходит прирост населения, приведший к перенаселенности, а также рост торговли и сложение агрессивного эксплуататорского класса⁴⁶. Между прочим, это один из первых опытов реконструкции социальных отношений по археологическим источникам.

Марка для Энгельса не есть нечто неизменное во все эпохи. «Строй марки оставался до конца средневековья основой почти всей жизни германской нации... На протяжении столетий он служил формой, в которой осуществлялась свобода германских племен. Затем он становится основой тысячелетнего народного рабства. Как это могло произойти?»⁴⁷. И снова анализ изменений всей исторической ситуации, в которых роль марки оказывалась различной.

Именно с этих позиций Энгельс критиковал лучшего исследователя марки — Маурера, отмечая у него противоречия фактов утверждениям. «Эти противоречия», — писал Энгельс Марксу в 1882 г., — возникают у Маурера: 1) благодаря привычке приводить доказательства и примеры из всех времен одно рядом с другим и попеременно, 2) благодаря остаткам юридической узости, которая мешает ему всякий раз, когда дело идет о понимании развития, 3) благодаря тому, что он совершенно недостаточно уделяет внимания насилию и его роли, 4) благодаря «просвещенному» предрассудку, будто со времени темного средневековья должен был иметь место постоянный прогресс к лучшему; это мешает ему видеть не только антагонистический характер действительного прогресса, но и отдельные случаи регресса»⁴⁸.

Наглядный пример творческого подхода Энгельса к историческому анализу выступает в его сопоставлении германцев с американскими индейцами. 8 декабря 1882 г. Энгельс писал Каутскому: «Чтобы наконец, полностью уяснить себе параллель между германцами Тацита и американскими краснокожими, я сделал небольшие выдержки из первого тома твоего Банкрофта. Сходство, действительно, тем более поразительно, что способ производства так различен — здесь рыболовство и охота без скотоводства и земледелия, там кочевое скотоводство, переходящее в земледелие. Это как раз доказывает, что на данной ступени способ производства играет не столь решающую роль, как степень распада старых кровных связей и старой взаимной общности полов (sexus) у племени»⁴⁹.

Сопоставления германцев с североамериканскими индейцами отражали обогащение синтеза наук, направленных на изучение первобытности, еще одной важной отраслью — сравнительной этнографией (этнологией, культурной антропологией). В обращении к широким этнографическим параллелям Энгельс продолжил традицию, заложенную эволюционистами, особенно детально используя труд одного из них, наибо-

⁴⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 450.

⁴⁵ Там же, стр. 471.

⁴⁶ Там же, стр. 476—480.

⁴⁷ Там же, стр. 495.

⁴⁸ Там же, т. 35, стр. 105.

⁴⁹ Там же, т. 37, стр. 103.

лее близко подошедшего к историческому материализму, — Льюиса Моргана. Развивая и дополняя выводы Моргана и разрабатывая стройную марксистскую концепцию возникновения классов и образования государства, Энгельс использовал материалы о ранних германцах, обойденные Морганом, в качестве одного из важнейших звеньев реконструируемого генетического ряда. Это взаимодействие было многообещающим также и для германистики: никогда прежде ее объект не рассматривался в контексте столь широких и многосторонних этнографических параллелей и на основе столь строгой и проникновенной методики.

Однако германистика в лице Коссины отвергла саму правомерность сравнения германцев с людьми других рас, саму возможность широких этнографических параллелей и тем закрыла путь к правильному пониманию предмета. Впоследствии интерес западных (в том числе западно-германских) ученых к этнографическим параллелям восстановился, но оказался ориентированным на выявление различий, а не сходств, на отыскание исключений, а не закономерностей.

В условиях, когда жизнь приносит все новые подтверждения общих законов исторического развития, установленных марксизмом, когда возникла новая школа немецкой германистики, руководствующаяся марксистскими исследовательскими принципами, труд Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», оцененный В. И. Лениным как «одно из основных сочинений современного социализма»⁵⁰, остается в ряду самых современных и самых широко читаемых научных книг XX в., а исследовательские принципы Энгельса, примененные им к изучению ранних германцев, остаются притягательным и поучительным образцом, к которому германистике оказалось необходимо вернуться, чтобы двигаться вперед. Только ли германистике? Во многих отраслях ранней истории были свои Коссины, но не было другого Энгельса.

FRIEDRICH ENGELS AND HIS RESEARCH WORK ON EARLY GERMAN SOCIETY

The works of Engels on the history of the early Germans are examined in the article. In these works Engels stands forth not only as one of the founders of Marxism and as a scientist of broad erudition, but also as a specialist in the field of earliest European history. The methods applied by Engels to the study of the early Germans have set a standard to which Germanists were bound to revert in order to begin a new forward movement.

⁵⁰ В. И. Ленин, О государстве, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.